

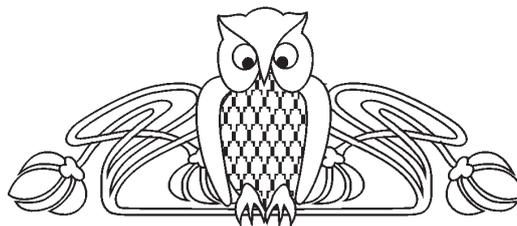

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-325-332>, EDN: I1OWIB

Научная статья
УДК 821.112.2.09-3+929 Левичарофф

Об историко-культурном значении творчества Сибиллы Левичарофф

Д. А. Чугунов

Воронежский государственный университет, Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Чугунов Дмитрий Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, dr-chugunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-3628>

Аннотация. Представленная статья посвящена определению места произведений Сибиллы Левичарофф, лауреата Бюхнеровской премии 2013 г., в новейшей немецкой литературе. Её писательская известность связана с важными и дискуссионными тезисами о путях европейского общественного и культурного развития. Так, в книге «36 праведников» (1994) С. Левичарофф трансформировала древне-еврейскую легенду об особенных людях, которым человечество обязано своим существованием, и дала собственную её трактовку применительно к истории Европы второй половины XX в. Сатирической проекцией на прогрессивный образ жизни стал её роман «Понг» (1998). С. Левичарофф метафорически показала потерю смыслов существования, переживаемую её современниками. В полной мере культурный скепсис писательницы отобразился в романе «Свершение» (2006). Античный контекст размышлений связан в произведении с отсылками к национальной истории двадцатого и двадцать первого столетий. Благодаря этому писательнице удалось развернуть объёмную метафору духовной неопределённости, культурной шаткости современного существования. Игровой характер многих текстов С. Левичарофф не скрывает отчётливого разделения в них тёмного и светлого, божественного и дьявольского начал жизни. При этом писательница сознаёт, что христианская доктрина в современной жизни воспринимается чаще всего как формальность, как набор ритуалов и мифов. Так же и её публичные тезисы о значимости духовной составляющей человеческого существования часто вызывают резкую критику со стороны неоллиберальных публицистов. В этом отношении присуждение С. Левичарофф Бюхнеровской премии является знаковым событием, показывающим важность присутствия в современном литературном процессе автора с недвусмысленной нравственной позицией.

Ключевые слова: Сибилла Левичарофф, новейшая немецкая литература, христианство

Для цитирования: Чугунов Д. А. Об историко-культурном значении творчества Сибиллы Левичарофф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-325-332>, EDN: I1OWIB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

About the historical and cultural significance of Sibylle Lewitscharoff's work

D. A. Chugunov

Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia

Dmitriy A. Chugunov, dr-chugunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-3628>

Abstract. The presented article determines the place of the works of Sibylle Lewitscharoff, the winner of the 2013 Büchner Prize, in the modern German literature. Her literary fame is associated with important and controversial theses on the ways of European social and cultural development. Thus, in the book *36 Righteous People* (1994), S. Lewitscharoff transformed the Hebrew legend about special people to whom humanity owes its existence, and gave her own interpretation of it in relation to the history of Europe in the second half of the twentieth century. Her novel *Pong* (1998) became a satirical projection on a progressive lifestyle. S. Lewitscharoff metaphorically showed the loss of the meanings of existence experienced by her contemporaries. The writer's cultural skepticism was fully reflected in the novel *Consummatus* (2006). The ancient context of reflections is connected in the work with references to the national history of the twentieth and twenty-first centuries. Thanks to this, the writer managed to expand the extensive metaphor of spiritual uncertainty, the cultural precariousness of modern existence. The playful nature of many of Lewitscharoff's texts does not hide the distinct separation of dark and light, divine and diabolical principles of life in them. At the same time, the writer is aware that the Christian doctrine in modern life is most often perceived as a formality, as a set of rituals and myths. Similarly, her public theses on the importance of the spiritual component of human existence often provoke sharp criticism from neoliberal publicists. In this regard, the fact that S. Lewitscharoff was awarded the Büchner Prize is a landmark event that shows the importance of the presence of an author with an unambiguous moral position in the modern literary process.

Keywords: Sibylle Lewitscharoff, the modern German literature, Christianity

For citation: Chugunov D. A. About the historical and cultural significance of Sibylle Lewitscharoff's work. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-325-332>, EDN: IHOWIB
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имя Сибиллы Левичарофф (Sibylle Lewitscharoff, 1954–2023) практически не известно в России. Лишь в статьях З. И. Карцевой [1, с. 158] и А. Болдыревой [2, с. 26] вскользь говорится о наличии в её творчестве эмигрантской темы и делаются отсылки к тенденциям развития современной женской прозы (болгарской и чешской). Незадолго до смерти писательницы в журнале «Иностранная литература» был опубликован переводной отрывок из её позднего романа «Блюменберг» (2021, № 3).

Однако при этом С. Левичарофф является одной из самых заметных и неоднозначных немецких писательниц рубежа XX–XXI вв. Размышления над её творчеством позволяют проследить, как в современном литературоведении выстраивается картина смысловых доминант новейшей художественной словесности, как формируются опорные точки для построения будущей академической истории литературы.

Особенный интерес для нас представляет изучение произведений С. Левичарофф в среде этических и эстетических отражений. Важно, что комплекс художественных идей, закладываемый в текст автором, находит созвучие не только в разноплановых газетных и журнальных рецензиях, но и в выверенных, мотивированных суждениях литературных жюри, присуждающих заметные премии современности. Подобный социально-культурный контекст, присутствующий далёким фоном в разговоре о литературе *прошлого*, всегда выдвигается на первый план при попытке понять литературу *настоящего*. Созвучие между авторской интенцией и критическим суждением – а его зримым выражением являются Премия Марии Луизы Кашниц (2008), Премия Лейпцигской книжной ярмарки (2009), Премия Клейста (2011), Премия Рикарды Хух (2011), Премия Марилуизы Фляйссер (2011), Литературная премия Вильгельма Раабе (2011), Премия Георга Бюхнера (2013) и др. – подчас более, чем формальные моменты (такие, как внимание к жанровой природе, связь с национальной традицией или, напротив, новаторство форм и т. п.), позволяет оценить те или иные художественные явления текущей современности. Подобным образом в своё время рождались определения «Aufbauliteratur» или «Ankunftsliteratur» в ГДР, «Angry young men» в Великобритании, «деревенская проза»

в Советском Союзе и др.¹ В двойной оптике взглядов художника слова и критика/литературоведа высвечиваются ключевые ценностные характеристики, значимые для понимания происходящего.

Сложность оценивания произведений С. Левичарофф коррелирует с общей сложностью целостного рассмотрения новейшей немецкой литературы. Видимое завершение немецкой *послевоенной* литературы, обусловленное ситуацией «поворота» в Германии, а затем и исчерпание потенциала художественной словесности 90-х гг. XX в. поставили перед литературоведами непростую задачу. Опираясь на общественно-политические критерии и продолжать вести речь о восточногерманской и западногерманской литературе уже не представляется возможным. Также сомнительными выглядят отсылки к исчерпавшему себя постмодернизму или к некогда модной *pop*-литературе. Не случайно, подводя итоги последнего десятилетия, К. Кэммерлингс в монографии «Краткое счастье настоящего: немецкоязычная литература после 1989 года» (2011) задумывается об облике немецкой литературы уже в наступившем двадцатом столетии [3]. Похожий вопрос, только в отношении национальной литературной критики, задавал ранее и Х. Винкельс в монографии «Хорошие признаки: немецкая литература 1995–2005 гг.» (2005) [4]. Обоим интересует возможность нащупать некие метафизические элементы только формирующейся картины мира XXI века – элементы, отображаемые в художественных текстах. На

¹ *Aufbauliteratur* («литература строительства»), *Ankunftsliteratur* («литература прибытия») – условные обозначения для этапов развития восточногерманской литературы. *Angry young men* («рассерженные молодые люди») – К. Эмис, Дж. Уйэн, Дж. Осборн, Дж. Брэнн, Ш. Делани и другие авторы, отобразившие протест против английской действительности 1950-х гг. «Деревенская проза» – произведения С. Зальгина, В. Белова, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Крупина и других писателей, обращавшихся к традиционным ценностям русской деревенской жизни. Так, непосредственно с концептом «строительства» новой действительности оказывались связанными, например, роман «Люди на нашей стороне» Э. Клаудиуса («Menschen an unserer Seite», 1951) и гимн ГДР «Воскресшая из руин» («Auferstanden aus Ruinen», 1949), принадлежавший И. Р. Бехеру. Термин «рассерженные молодые люди» есть производное от названия автобиографии Л. Пола «Рассерженный молодой человек» (1951). Деревенская жизнь является главным хронотопом романа «Братья и сёстры» Ф. Абрамова (1957) и рассказа «Матрёнин двор» А. Солженицына (1963).

это прямо указывают названия некоторых глав и параграфов – как в работе К. Каммлера («Что это было? Что происходит сейчас? О настоящем смерти и умирании»), так и в труде Х. Винкельса («Зло и поэт: об апокалиптическом настроении в немецкой литературе и в романе Хельмута Краусера “Танатос”», «Турбокапитализм под временной лупой: роман Георга М. Освальда “Всё, что считается”», «Телевидение и воспроизведение: роман Кристофа Петерса “Платок из ночи”»).

Литературная критика настойчиво всматривается в произведения современных авторов, выполняя, по сути, прогностическую задачу и пытаясь уловить в текстах важнейшие ценностные ориентиры, которые определяют дальнейшее развитие литературы. Показательно в этой связи, что большая часть наград, полученных С. Левичарофф, выпадает как раз на рубеж 2000–2010-х гг., т. е. на время окончательного прощания с эпохой «послевоенной литературы» (*Nachkriegsliteratur*). Легко предположить, что немецкое литературоведение уловило в её произведениях важные, дискуссионные мысли, имеющие отношение к пути, по которому двинется или же может двинуться немецкое общество в XXI в.

Философско-художественное своеобразие творчества С. Левичарофф проявилось сразу же. Так, в 1994 г. она выпустила небольшую книгу «36 праведников» (*36 Gerechte*). Идея книги восходит к древнееврейской легенде о живущих в мире особенных людях. Они не отличаются от прочих, однако именно им человечество обязано своим существованием. Праведники тайно помогают страждущим, и потому Бог только ради них сохраняет человечество. Само число праведников окончательно установилось в традиции к XVIII в., а сюжет о скрытых спасителях людей вошёл в мировую литературу².

Писательница иронично переосмыслила классический сюжет, обратив взор на *праведников* настоящего времени, «чудесно агрессивных и очаровательных», которые, как «само собой разумеющееся, хотят спасти Землю», но у которых «больше нет своего дела», потому что мир, в сущности, слеп, он не нуждается в их услугах и не нуждается в спасении [5].

Истинная глубина этого небольшого произведения открывается не сразу. Дело в том, что античная аллюзия в этом произведении – далеко не единственный смыслообразующий компонент. Если мы сопоставим две даты:

² См. произведения А. Шварц-Барта, Н. Закс, Шолом-Алейхема, Д. Хармса и др.

1994 и 1993 гг. – время публикации книги и время образования Европейского союза, – станет ясной скрытая проекция уже на современные европейские дела.

Сама по себе идея Союза, выросшая и укрепившаяся благодаря прочно вставшему на ноги Объединению Угля и Стали, поначалу была теснейшим образом связана с христианством. Именно христианской видел объединённую Европу французский премьер-министр, набожный католик Робер Шуман. Таким же ревностно верующим христианином был и создатель флага Евросоюза – страсбургский художник Арсен Хейц, который предполагал взять за образец Богородичную хоругвь: на синем фоне образ Богородицы, у головы которой расположены двенадцать звёзд. Наконец, папа римский Иоанн Павел II предлагал упомянуть в преамбуле к Конституции Евросоюза особенную роль христианства в становлении европейской культуры. От всего этого атеистическое европейское общество, сделавшее ставку на безликий мультикультурализм, как известно, отказалось.

Таким образом, современный *праведник*, по мысли С. Левичарофф, действительно оказывается в абсолютно трагической ситуации собственной не востребованности. И его ощущение *инаковости* среди тех, кто «спасает» мир в глобальных масштабах, только увеличивается. Парадоксально, что агрессивным существом видится обществу сам *праведник*, а вовсе не те, кто пытаются заставить сначала Европу, а затем и остальной мир жить по правилам счастья, основанным не на божественной истине, а на законах экономики и т.п.

Некоторое время спустя, приняв участие в литературном конкурсе им. Ингеборг Бахманн (1998), С. Левичарофф прочитала отрывок из романа «Понг» (*Pong*, 1998), написанный от лица сумасшедшего человека:

«Безумцу мир нравится таким, каков он есть, потому что он живёт в его центре. Не где-то в каком-то центре, а в опасном центре, в яйце Цвинга³. Небрежно выброшенные из этого деликатного пространства волосы могут заставить мир пошатнуться, а затем и отправить на петляющий курс Луна – Солнце – Млечный Путь *ade* системно *e' – e'*. Всё это безумец знает наверняка и остерегается, например, поднять руку слишком высоко, чтобы не случилось

³ Здесь игра слов. «Zwing» – от глагола «принуждать, заставлять» (нем.). *Zwinger* – тюрьма; клетка для зверей; пространство между внешней и внутренней стенами крепости.

несчастья: падения валунов, большие куски на мелкие, ещё бóльшие на уже величественные – так разорвутся хрупкие сочленения, на которых висит мир. Ему, это легко понять, разрешены только крошечные движения, и ему больно, когда его переносят с одной кровати в другую или помещают в искривлённую комнату, потому что он любит мир таким, какой он есть, он любит его, он любит его. А иначе? Ещё какие-нибудь заботы? К сожалению, забот не счесть.

Беспокойство, что пуговица отрывается.

Беспокойство, что его просто нацарапали.

Опасение, что его небесные связи исчезают.

Опасение, что через его пупок вдувают морозный воздух.

Опасение, что неверные супруги подадут на него в суд.

Но человек состоит не только из шумной заботы и осторожности. Внезапно у него появляется огромный аппетит. Кроме того, жажда, которая даёт ему возможность испить Тихий океан. Снова сколько-то высидел, поздравляя себя после каждого глотка и укуса. <...>

Но ему нравится не только мир в целом, но и в его частях. В частях, которые, возможно, вредны, но тем не менее любимы им, да именно потому, что любимы сердцем, которое настойчиво стучит о внутреннюю стенку тела» [6].

Святитель Николай Сербский, по остроумному замечанию протоиерея Андрея Ткачёва, «ещё до Первой Мировой... называл среднего европейца заразным пациентом, убежавшим из клиники и заражающим всех вокруг» [7]. О похожих ассоциациях свидетельствует и одно из интервью С. Левичарофф 2013 г. Она заметила: «Сумасшедший управляет другой каруселью ассоциаций. Нормальный человек испытывает подобное в лучшем случае ночью, перед тем как заснуть. Но не днём. У действительно сумасшедших, которые могут в это погрузиться, – что сегодня, как правило, прерывается лекарствами, – безумие расцветает совсем по-другому. Это Конституция бытия, которая меня очень интересует, потому что она косвенным образом даёт представление о том, что вы называете нормальным. Кроме того, я всегда имела дело с сумасшедшими. <...> С новым поколением, полностью погруженным в компьютер, мы ещё увидим совершенно новые и очень впечатляющие формы безумия, в этом я уверена» [8]. «Искривлённая комната» в романе С. Левичарофф – метафора современного социума, в котором пребывает рядовой гражданин.

Подобное обращение к моральной проблематике повествования и умение писательницы ставить перед обществом неудобные вопросы являются далеко не случайными. С. Левичарофф как личность во многом сформировалась в годы учёбы в Свободном университете Берлина, где она изучала религиоведение. По этой причине уже раннее творчество С. Левичарофф стало свидетельством её подчёркнутого интереса к духовному измерению современной человеческой жизни.

В полной мере этот интерес проявил себя в романе «Свершение» (*Consummatus*, 2006). Используя игровую, постмодернистскую манеру повествования, сплетая воедино происходящее наяву и существующее лишь в иллюзорно-фантомных воспоминаниях человека, писательница настойчиво направляет своего читателя к поиску ответов на ключевые вопросы бытия. И главный их них – вопрос о свершении и совершенстве, о возможной или невозможной трансформации мира к лучшему. Происходящее в романе включено ею в евангельский контекст: так, совершенно прозрачной является отсылка к последним словам Иисуса Христа, произнесённым на кресте: «*Consummatum est*» («свершилось»).

Не менее важно то, что размышления персонажей вновь связаны и с более современным историко-культурным контекстом, с историей Германии двадцатого столетия. С. Левичарофф с первых же страниц повествования разворачивает объёмную метафору духовной неопределённости, культурной шаткости современного существования. Её герой множеством невидимых нитей связан с прошлым, однако связь эта вызывает в нём лишь пассивную, неопределённую ненависть и желание ускользнуть, вывернуться из-под власти минувшего.

«Я, человек с малым регистром для поступков, с большим – для чего-то духовно-нравственного. Номо *minimus* и *homo maximus* соединены под одной кожей и вовсе не для счастья. К чему бы я ни обратил свой взор, я не избавлюсь от мёртвых. Они давят мне на сердце и свистят в лёгких. Устраивает ли меня это или нет, мёртвые всегда вокруг меня» – такое переживание собственного бытия открывается нам в сознании Ральфа Циммерманна, протагониста повествования, сидящего субботним утром в штутгартском кафе и размышляющего о жизни [9, S. 8].

Это *давление мёртвых* можно соотнести, например, со словами из нобелевской речи

Г. Грасса: «Всякий раз нас снова настигало прошлое» [10, с. 329]. Или с его же утверждением, адресованным восприятию периода 1933–1945 гг.: «Мне понятно желание немцев подвести черту под прошлым и жить как все. Но не стоит обольщаться. До этой „нормальности“ нам ещё далеко» (цит. по: [11]). С. Левичарофф, как и Г. Грасс, в метафорической форме изображает давление груза истории на сознание отдельной личности, показывает внезапно проявляющуюся малость индивидуума перед коллективным началом XX в.

Показательно, что в похвальном слове в честь лауреата на вручении Бюхнеровской премии 2013 г. У. Мэрц обратила внимание на внутреннее родство произведений С. Левичарофф произведениям Ф. Кафки. «Игровой язык Левичарофф, сочетающий домашний диалект и возвышенные неологизмы, имеет мало общего с Кафкой. Но в области фантастического реализма она и в самом деле его наследница», – сказала она на церемонии награждения [12].

Писательница подтверждает это. У неё есть и другие любимые авторы, например Жан Поль, но: «Самым горячим кандидатом на мою действительно большую любовь всегда является Франц Кафка», – говорит С. Левичарофф [13]. И если фигура Ф. Кафки находится в самом начале двадцатого столетия, то С. Левичарофф стоит у его завершения, когда возможно подведение итогов.

Культовые фигуры Г. Грасса и Ф. Кафки – далеко не единственные, что возникают перед мысленным взором читателей романа. Помимо них здесь и основатель идеологии «*homo universale*», крупная фигура в истории поп-арта Э. Уорхол; вокалист группы «The Doors» Дж. Моррисон; валлийский киноактёр, звезда шестидесятых Р. Бёртон; валлийский поэт, прозаик, драматург и публицист Д. Томас; валлийский рок-музыкант, член американской группы «The Velvet Underground» Дж. Кейл; звезда немецкой поп-сцены пятидесятых Р. Шурике; поэт и профессор-германист Фр. Гундольф⁴; чешский поэт и публицист М. Голуб; основоположник современной шведской литературы и театра Ю. А. Стриндберг; американский киноактёр, известный ролями невозмутимых шерифов и спецagentов, Т. Л. Джонс; американско-британский поэт-модернист Т. С. Элиот; американский поп-певец, голос поколения шестидесятых Р. Дилан; ирландский прозаик и

⁴ Среди его студентов был будущий министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс.

журналист Ф. О’Брайен; австрийский психолог З. Фрейд; известнейший писатель-путешественник, зоолог и директор франкфуртского зоопарка Б. Гржимек; историк-медиевист Э. Канторович; немецкоязычные поэты и писатели прошлого и настоящего: Г. Э. Лессинг, И. В. Гёте, Жан Поль, К. фон Brentано, Г. Келлер, Г. фон Клейст, Р. М. Рильке, С. Георге, Г. фон Гофмансталь, Э. Ласкер-Шюлер, Г. Бенн, Р. Шнайдер, Б. Брехт, М. Фляйсер, Э. Хеншайд, П. Хандке, Г. фон Реццори; философы И. Кант и М. Хайдеггер; Иосиф Аримафейский и Мартин Лютер; фотограф и фотохудожник Х. Ньютон; актёры и актрисы К. Дуглас и Л. Оливье, М. Дитрих и М. Рёкк, Э. Тейлор и Л. Ремик; режиссёр Л. Рифеншталь; а ещё индийский писатель и кинорежиссёр С. Рай, художник А. Кифер⁵, немецкий актёр-комик В. Райхерт... Так постепенно складывается грандиозная мозаика духовных, этических и эстетических поисков завершившегося столетия.

Одна из множества аллюзий позволяет выйти к главному проблемному вопросу в романе. Так, в песне, завершающей дебютный альбом группы «The Doors», звучат слова:

This is the end, beautiful friend

This is the end, my only friend, the end [14]⁶.

Их сопоставление со словами Иисуса, произнесёнными на кресте, заставляет задуматься: так что же произошло («свершилось») с человеком – амбивалентным существом, пребывающим в насквозь амбивалентном мире? Воспринимать ли нам слово «*consummatus*» как обозначение совершенства, перехода в высший мир или как обозначение краха наших принципов существования?

Игровой, подчас постмодернистский характер текстов С. Левичарофф не должен вводить её читателя в заблуждение. За иронией и стилистическими парадоксами скрыты серьёзные вопросы, требующие однозначных ответов. Писательница отчётливо разделяет в своих книгах тёмное и светлое начала жизни, божественное и дьявольское её наполнение. В многочисленных интервью она прямо говорит об этом, например: «Если мы являемся образом

⁵ В 1969 г. устроил в Карлсруэ провокационную инсталляцию, чтобы показать живучесть идей нацизма.

⁶ Дж. Моррисон утверждал: «Иногда боль слишком сильна, чтобы её исследовать или даже терпеть... Хотя это не делает её пагубной или непременно опасной. Но люди боятся смерти даже больше, чем боли. Странно, что они боятся смерти. Жизнь ранит гораздо сильнее, чем смерть. В момент смерти боль заканчивается. Да, я полагаю, она является другом» (см.: [15]).

Бога или мы созданы по Его образу, живет ли Бог в нашей душе? Эти вопросы актуальны, но, к сожалению, религия как источник знаний забыта» [16].

При этом С. Левичарофф понимает, что роль религии в современном обществе уже не столь велика. «Для меня религиозное образование абсолютно необходимо», – открыто заявляет С. Левичарофф [17, S. 94]. Однако, по её же словам, это у бабушек и дедушек ещё имелась в душе искорка веры, но ныне, даже в деревнях, она не может назвать ни одного, кто был бы по-настоящему верующим [17, S. 92]. К большому сожалению, христианство в современной Европе закоснело в «цивилизационном корсете» [17, S. 93], превратилось в формальность, сложенную из ритуалов и мифов. Христианскую литературу повсеместно подменяют новомодными, приводящими в содрогание художественными проектами в пустующих церквях [17, S. 95]. Одну из причин этого она видит в потере церковью своей репутации во времена нацизма, когда трусливо молчали как католики, так и протестанты [17, S. 95]. Причём не стоит думать, будто проблема касается только Германии, – это общеевропейский процесс. «Это затрагивает всё европейское пространство», – замечает С. Левичарофф [17, S. 95]. А новомодное введение женского атрибута в религию (как переход от мужской абстракции к природному, женскому началу), опирающееся как на католическую традицию почитания Пресвятой Девы Марии, так и на агрессивный феминизм XIX–XX вв., ведёт, по её мнению, к явному соскальзыванию человека из христианства в обычную натурфилософию, в неоязычество [17, S. 97].

Не удивительно, что авторская позиция С. Левичарофф часто вызывала нападки со стороны либеральных публицистов. Так, например, Г. Диц в «Шпигеле» сравнил писательницу с «мещанкой», со шваброй в руках «сражающейся с настоящим», а её понимание литературы язвительно назвал моющим средством против современности [18].

Не менее резкие обвинения обрушились на С. Левичарофф после её публичной речи «Об осуществимости. Научное положение о рождении и смерти» («Von der Machbarkeit. Die wissenschaftliche Bestimmung über Geburt und Tod», 2014), в которой она выступила против искусственного оплодотворения и права лесбиянок заводить детей [19]. Позицию писательницы обозначили как антинаучную, антисовременную, граничащую с «новым

клерикальным фашизмом» [20]. Д. Книппхальс назвал выступление «ужасной тирадой», в которой писательница попыталась «рекламировать жёсткий христианский фундаментализм» [21], а Дрезденский государственный театр, бывший площадкой выступлений, в публичном заявлении дистанцировался от мнения С. Левичарофф. Лишь немногие средства массовой информации и культурные организации выступили в поддержку писательницы, заявившей о существовании крупной проблемы в современном укладе жизни.

Обращение к историко-литературному контексту позволяет лучше понять действительную значимость художественных исканий С. Левичарофф и связь её произведений с эпохой.

Так, например, в 2013 г. завершился жизненный путь сразу трёх заметных фигур послевоенной германской словесности – Э. Нойча, Э. Лёста и М. Райх-Раницкого.

Э. Нойч являлся одним из самых успешных авторов бывшей ГДР, в своих произведениях стремившимся отобразить сложный процесс формирования социалистического сознания в обществе. Объединение Германии и исчезновение ГДР стало для него таким же трагическим событием, как и для многих восточногерманских писателей.

Э. Лёст, напротив, из-за идеологических расхождений с властью ещё в 1981 г. переселился в Западную Германию и вернулся на восток лишь после падения Берлинской стены. Трагический опыт жизни в ГДР, взаимоотношения страдающей личности и безжалостной системы – вот главные темы творчества Э. Лёста в 1990-е гг.

Наконец, литературный критик М. Райх-Раницки – это та фигура, что стояла над всем литературным процессом, пытаясь запечатлеть его сущностные стороны, пробуя выстроить исторический и литературный канон немецкой художественной литературы.

Их смерть в одном году обретает символическое значение, превращаясь в зримое завершение эпохи, обозначая естественное, историческое исчерпание её противоречий.

Похожим рубежным событием стала эпохальная смена римских пап. Бенедикт XVI, немец по национальности, в 2013 г. добровольно отказался занимать высший пост в иерархии католической церкви. Так же неожиданно новым папой был избран аргентинский кардинал, принявший имя Франциск и обозначивший себя как «папа бедных».

В целом весь 2013 г. для немецкого общественного сознания оказался временем заметных потрясений. Здесь можно вспомнить не только события, имеющие отношение к *внешнему* миру, например, подтвердившееся в попытках на МКС существование «тёмной материи» или очередное расширение Евросоюза при одновременно вынужденном ужесточении иммиграционного законодательства в отдельных странах. *Внутри* Германии происходило не меньшее количество событий, разрушающих привычный облик мира. Так, выяснилось, что спецслужбы США длительное время прослушивали телефон федерального канцлера А. Меркель, а Федеральный конституционный суд Германии объявил неравенство браков и зарегистрированных партнёрств неконституционным (см.: [22]).

Подобные события, взятые в совокупности, как нельзя лучше объясняют решение жюри высшей литературной премии Германии, присудившего награду за 2013 г. именно Сибилле Левичарофф – писательнице, «которая в своих романах с неиссякаемой энергией наблюдения, повествовательной фантазией и лингвистической изобретательностью заново исследует и ставит под сомнение границы того, что мы считаем своей действительностью, раскрывает при этом основные вопросы существования в тонком столкновении с великими литературными традициями и с освежающе незатейливой игрой, расширяя наше восприятие немецкого настоящего в области сатирического, легендарного и фантастического» [23].

Решение жюри Бюхнеровской премии указывает на важность присутствия в современном литературном процессе автора с недвусмысленной нравственной позицией. Парадоксально утверждая второстепенность литературы и искусства в сравнении с красотой Бога [17, S. 97], С. Левичарофф в то же время пытается вернуть в литературу её божественное начало, апеллирует к её способности говорить о бессмертии человеческой души и задумываться о неконечности земного существования. «Все становится Богом, точнее сказать – всё, что умерло. <...> Бог прирастает ежесекундно», – написала С. Левичарофф [9, S. 204]. В этом отношении современная литература действительно может стать «полноправной собеседницей философии» [24]. И выделение фигуры С. Левичарофф среди прочих немецких авторов, введение её в число лауреатов высочайшей литературной награды Германии показывает один из возможных путей, по которым может двинуться художественная мысль в XXI столетии.

Список литературы

1. Карцева З. И. «Женский роман» в новой болгарской прозе // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 2013. № 1. С. 157–170.
2. Болдырева А. Н. Чешская идентичность и транснациональный роман Либуше Мониковой «Die Fassade» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2017. № 3–4 (19–20). С. 21–34.
3. Kämmerlings R. Das kurze Glück der Gegenwart. Deutschsprachige Literatur seit '89. Stuttgart : Klett-Cotta, 2011. 207 S.
4. Winkels H. Gute Zeichen. Deutsche Literatur 1995–2005. Köln : Kiepenheuer und Witsch, 2005. 398 S.
5. Radisch I. Die Welt retten! // Die Zeit. 1995. 5. Mai. URL: https://www.zeit.de/1995/19/Die_Welt_rennen_/komplettansicht (дата обращения: 26.12.2023).
6. Lewitscharoff S. Pong // 27. Tage der deutschsprachigen Literatur. URL: http://archiv.bachmannpreis.orf.at/bp98/s_lewitscharoff_txt.html (дата обращения: 26.12.2023).
7. Ткачёв А. прот. 2023. 15 декабря. URL: https://t.me/o_andrey_tkachev/3916 (дата обращения: 26.12.2023).
8. Kister S. «Wahnsinn ist mein Hauptthema» : [Interview mit Sibylle Lewitscharoff] // Stuttgarter Zeitung. 2013. 16. Oktober. URL: www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.interview-mit-sibylle-lewitscharoff-wahnsinn-ist-mein-hauptthema.2fa45ef6-3bd7-4585-ba26-8b4269b50c1f.html (дата обращения: 26.12.2023).
9. Lewitscharoff S. Consummatus. München : Dt. Verl.-Anst., 2006. 236 S.
10. Грасс Г. Моё столетие. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. 336 с.
11. Курхмайер В. Культура сегодня // Deutsche Welle. 1999. 5. Oktober. URL: http://www.dwelle.de/russian/archiv_2/km051099k.html (дата обращения: 17.08.2021).
12. März U. Laudatio // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. 2013. 26. Oktober. URL: <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/sibylle-lewitscharoff/laudatio> (дата обращения: 26.12.2023).
13. Kürten J. Lewitscharoff: «Der eignen Sprache verpflichtet» : [Interview] // Deutsche Welle. 2013. 26. Oktober. URL: <https://www.dw.com/de/lewischaroff-der-eigenen-sprache-verpflichtet/a-17166844> (дата обращения: 27.04.2020).
14. The Doors – The End : [текст и перевод песни]. URL: <https://music.yandex.ru/translate/track/206230#:~:text=This%20is%20the%20end%2C%20beautiful,hand%20In%20a%20desperate%20land> (дата обращения: 26.12.2023).
15. Анипченко Д. История песни The End – The Doors // Song Story – истории песен. URL: <https://song-story.ru/the-end-the-doors/> (дата обращения: 26.12.2023).
16. Hünninger A. H. Sie breitet ihre Arme aus, und das Glas geht zu Boden : [Interview mit Sibylle Lewitscharoff] // Die Welt. 2013. 9. Juni. URL: <https://www.welt.de/print/wams/kultur/article116950853/Sie-breitet-ihre-Arme-aus-und-das-Glas-geht-zu-Boden.html> (дата обращения: 27.04.2020).

17. Henke S., Spalinger N. Zeitgenössische Literatur und die Schönheit der Religion : Sibylle Lewitscharoff im Gespräch // Kunst und Religion im Zeitalter des Postsäkularen. Bd. 37. Bielefeld : transcript Verlag, 2012. S. 91–98. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839420409.91>
18. Diez G. Die Kleinbürgerin, die die Gegenwart bekämpft // Der Spiegel. 2013. 7. Juni. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/georg-diez-ueber-buechnerpreis-gewinnerin-sibylle-lewitscharoff-a-904356.html> (дата обращения: 26.12.2023).
19. Lewitscharoff S. Von der Machbarkeit. Die wissenschaftliche Bestimmung über Geburt und Tod // Eine Veranstaltungsreihe des Staatsschauspiels Dresden und der Sächsischen Zeitung. URL: http://www.staatsschauspiel-dresden.de/download/18986/dresdner_rede_sibylle_lewitscharoff_final.pdf (дата обращения: 26.12.2023).
20. Diez G. Herrenreiterin des Kleingeists // Der Spiegel. 2014. 6. März. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/lewitscharoff-kolumne-zur-skandal-rede-der-buechnerpreistraegerin-a-957342.html> (дата обращения: 26.12.2023).
21. Knippahls D. Eine schreckliche Tirade // Die Tageszeitung. 2014. 6. März. URL: <https://taz.de/Rede-von-Sibylle-Lewitscharoff/!5047073/> (дата обращения: 26.12.2023).
22. Ehrich I. Was die Abhöraffaire um Kanzlerin Merkel zeigt // n-tv.de. 2013. 29. Oktober. URL: <https://www.n-tv.de/politik/Deshalb-hoert-die-NSA-Bundeskanzlerin-Angela-Merkel-und-andere-Politiker-ab-article11621676.html> (дата обращения: 26.12.2023).
23. Sibylle Lewitscharoff // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. 2013. 26. Oktober. URL: <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/sibylle-lewitscharoff/urkundentext> (дата обращения: 26.12.2023).
24. Баскакова Т. «О звездах и метеорах»: пространство немецкой литературы // Иностранная литература. 2021. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2021/3/o-zvezdah-i-meteorah-prostranstvo-nemeczkoy-literatury.html> (дата обращения: 26.12.2023).

Поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024